Как я боялась генералов

Валентина Васильевна Чудакова

SHOUT
SHARE
IT

- Чудакова Валентина Васильевна

Чудакова Валентина Васильевна
Как я боялась генералов

Валентина Васильевна Чудакова

Как я боялась генералов

Повесть

Автобиографическая повесть и рассказы о событиях Великой Отечественной войны.

Посвящается светлой памяти
командарма генерал-лейтенанта
Виталия Сергеевича ПОЛЕНОВА

В первый же день войны двадцать шесть ребят из нашего восьмого "б" класса, не сговариваясь, ринулись в Дновский райвоенкомат. А там берут только десятиклассников, да и то на оборонные работы! И не всех, а по выбору: которые поздоровее. Напрасно мы доказывали, просили, требовали, клянчили - военкому не до нас было, попросту заткнул пальцами уши. А его ретивые помощники из добровольцев, не тратя лишних слов, вытолкали нас на улицу. Ну не обидно ли? И мы побежали жаловаться в райком комсомола. Там никого, кроме бестолковой сторожихи!..

Через неделю, когда война уже почти вплотную подступила к нашему городку, самые упорные из нас добились своего, минуя формальности. Повезло и мне - я ловко пристроилась к стрелковой дивизии, которая с боями отступала из Прибалтики.

На войне я очень боялась генералов: обижали они меня с самого начала и до конца войны, не понимали моих патриотических чувств. Как, бывало, увидит меня какой-либо генерал - начинается допрос.

- Кто такая? Откуда? Каким военкоматом призвана?

Отвечаю с гордостью и по-честному:

- Никаким. Доброволец!

- Не хитри, пигалица! Добровольцы тоже через военкоматы оформляются.

Ну что тут делать? Как докажешь, что с такими, как я, военкомы и не разговаривали: какие у человека права, если он еще паспорта не имеет! Да и солидности никакой: рост - метр сорок восемь, вес - сорок три кг. А физиономия - как у матрешки на чайнике. Такие, как я, самой тихой сапой к боевым полкам примазывались, и бойцы, жалея приблудышей, не прогоняли. Много нас, недоростков, по вине войны на войне оказалось. Но в конце сорок первого года вышел приказ: несовершеннолетних

фронтовиков - в глубокий тыл! Всех и отправили. Я тоже, разумеется, загремела. До станции Бологое доехала на перекладных и решила тут остаться: подрасту, думаю, малость, и опять на фронт. Обратилась к коменданту. А тот - замотанный, издерганный, злой, красноглазый от бессонья - говорит: "Только тебя мне и не хватало! Я тебя что, вместо медали на шею повешу? Все детдома уже эвакуированы". И оказалась я совсем никому не нужной. Лишней. Подумала - да и обратно в свой полк.

Однополчане рады. Целуют, кричат: "Здравствуй, Чижик!" Комиссар Юртаев хмурится. А командир полка посмеивается.

- Ладно, давай, Юртаев, возьмем такой грех на душу, пусть остается! Но гляди, - предупреждает меня, - на глаза высокому начальству не лезь.

В моем понятии "высокое начальство" - это, конечно, генералы. Я и не лезла. Ловко пряталась. Как завижу издали генеральские лампасы - так в кусты. А генералы... Да что генералы - полковой писарь Вася и тот придирался. Хотел, как положено, мне красноармейскую книжку выдать и не решился.

- А ну, - говорит, - тебя, Чижик, к аллаху! Сам черт не разберется, что ты за птичка. Не знаю, как на тебя графы заполнять. Еще бланк испорчу, а они строгой отчетности.

Так и не дал.

- Ну, - говорю не без ехидства, - товарищ Вася, быть тебе генералом!

Воюю без документов, вроде бы самозванец, но никаких неудобств не испытываю: в полку, кроме меня, ни одной женской души - небось ни с кем не спутают.

И все-таки попала я впросак! Увидел меня сам командующий армией генерал-лейтенант Поленов и не на шутку рассердился:

- Это что здесь такое? Кто позволил?

Я молчу, только глазами лупаю. А мой начальник, молодой фельдшер Володя Нажимов, которого в полку моим "дядькой" прозвали, почтительно докладывает:

- Это, - говорит, - наш Чижик. Дочка полковая...

А генерал еще пуще:

- Я вам такого "чижика-пыжика" покажу! Ишь, они в дочки-папеньки играют. Кто нарушил приказ? В тыл! Немедленно.

И уехал.

Плачу я и однополчан корю: "Так-то вы меня любите! Как дошло до беды, и заступиться некому..." А те жалеют, по головке гладят, денег для меня вскладчину целую кучу накидали.

Сразу меня не отправили, видно, из жалости, а вскоре попали мы в окружение... Так и осталась я в полку. И в самом деле подросла - на целых два сантиметра!

После выхода из окружения и небольшой передышки нашу дивизию бросили подо Ржев. Как раз на юге началась Сталинградская битва. Почти тогда же войска Калининского фронта перешли в наступление по всему Ржевско-Вяземскому плацдарму.

Задача была - помочь Сталинграду: связать здесь как можно больше вражеских дивизий, чтобы Гитлер не перебросил их на Юг. Полки нашей дивизии дрались, как никогда, - я еще такой ярости не видела.

...Пулемет кипел, как самовар: в ребристом кожухе клокотал кипяток, из пароотводной трубки воронкой хлестал горячий пар. Стрелять было бесполезно: раскалившись, ствол изрыгает не пули, а сгустки расплавленного свинца.

За пулеметом лежал комсорг полка Дима Яковлев. Рядом я - он позвал на помощь. Последний пулеметчик из расчета сержант Терехов скорчился тут же в окопе, головой на моей санитарной сумке. Редкими и жадными глотками он хватал воздух, в горле его хрипело.

Глазами я указала комсоргу на раненого. Метрах в ста за нашей спиной проходил узкий овраг с почти отвесными стенами, там, в относительной безопасности, находились передовые санитарные посты. Дима понял меня без слов, согласно кивнул головой в надвинутой по самые брови каске, но сказал:

- Сначала воды. Надо охладить кожух, пока тихо.

И верно, стало вдруг удивительно тихо. А я-то подумала, что это у меня от воя и грохота уши заложило.

Из лужи, не просохшей после вчерашнего дождя, в двух касках - своей и тереховской - принесла мутную жижу и усомнилась, можно ли такое заливать в кожух.

- Лей сверху! - приказал комсорг.

Я плеснула. "Максим" зашипел, окутавшись паром. Над позицией взвилось клинообразное облачко. По нему, как по ориентиру, ударил вражеский миномет. Нас прижало огнем к земле. А когда я подняла голову, то увидела, как кровь заливает голубые глаза комсорга. Ранка на его макушке оказалась небольшой. Он отфыркивался, и все торопил с перевязкой, и все рвался к пулемету. Так и не дал как следует забинтовать. Попытался поверх бинта надеть каску, но, охнув, отшвырнул ее прочь. Он напился из моей фляги, вставил в приемник новую ленту.

Впереди послышался какой-то неясный шум. И вдруг явственно и очень громко: "Хайль Гитлер! Зиг хайль..."

- Дима, что это? Мне страшно...

- Ерунда. Радиоустановки. На машинах. Похоже, будет

"психическая" атака. Начну стрелять, ленту ровнее подавай.

Они возникли из сизого дыма, точно из-под земли: развернутым строем, тремя плотными шеренгами, и, держа равнение, как на параде, двинулись в сторону наших позиций.

Одного роста, одной стати, одной масти - как на подбор. Светловолосые, чубатые. Без головных уборов. С засученными по локоть рукавами, с автоматами у животов. Ноги в широченных голенищах, как в ведрах...

Странная, почти невыносимая тишина была накалена до предела. Холодные мурашки противно щекотали мою спину. Непонятное стало понятным, то есть незримое - видимым, но все равно - непостижимым. Жуткая картина: люди молодые парни - лезут на пулеметы! На явную смерть. На чужой земле. Во имя чего?.. Кто они, эти смертники? Головорезы-убийцы? Фанатичные фашисты? Сумасшедшие? Штрафные? Пьяные?

Все ближе. Совсем близко. Вот-вот захлестнут наши редкие цепи.

Почему-то никто не стрелял - ни они, ни наши. И тут где-то рядом начала лихорадочно и неприцельно бухать одинокая винтовка - у кого-то не выдержали нервы.

- Дима, огонь! Да стреляй же ты!..

- Цыц! Без паники!..

Чей-то властный голос, как в рупор:

- Залпом! При-це-ел!..

Залп не получился, стрелки отбивались вразнобой. Комсорг строчил с рассеиванием на всю ширину вражеского строя. Фланкирующий пулеметный огонь самый губительный, да еще с такой короткой дистанции. В рядах наступающих сразу появились проплешины: чужаки падают, падают. Не выдержали: залегли, огрызаясь огнем невероятной плотности.

Короткая перебежка - рывок, и над нашими головами нескончаемо несется свинец. Но вот вступают сразу два "максима" - слева и справа от нашей позиции.

Вдруг комсорг охнул и, отпустив рукоятки пулемета, медленно сполз на дно окопа. Пуля через прорезь бронированного щита вошла Диме в грудь. Фашисты опять поднялись во весь рост.

Теперь стреляла я. Стреляла, пока не кончилась лента. Снова закипела вода в кожухе, снова надо было охладить его.

Пользуясь минутным затишьем (атакующие выдохлись), я оглянулась вокруг, ища помощи. И тут прибежал красноармеец Петя Ластовой, мой приятель и почти ровесник. Я прокричала:

- Петенька, воды!

Он принес воду и остался рядом.

- Петя, набивай ленту. Я комсорга осмотрю...

С трудом я повернула тяжелое тело Димы на спину. Он был без сознания - пульс прощупывался еле-еле. Но я обрадовалась: жив!.. Перевязать не успела. Прибежал санитар. Силач. Поднял Диму, как младенца, уложил на плащ-палатку. Раненого Терехова подхватил под мышку. Потащил обоих разом.

- Атака! Го-товсь!.. - Опять все тот же властный голос, от которого сразу становится легче: бой идет не сам по себе, им кто-то управляет. Но все равно я очень волновалась. И не от страха. Его теперь не было. Боялась, как бы не отказал пулемет. "Максим" капризен, чуть что не так откажет. Это называется "задержками". По уставному положению их насчитывается пятнадцать. Да плюс шесть неуставных - выявленных на практике. А я умела устранять только две: перекос патрона и поперечный разрыв гильзы. Петя же и вовсе пулемета не знал. И я вдруг, помимо своей воли, взмолилась:

- Максимушка-максинька, не выдай! Родной, не подведи. Ради бога, не откажи!.. - Я даже, кажется, машинально перекрестилась...

А как была ранена - не помню. В себя пришла уже в медсанбате. И в ту же ночь оказалась в армейском полевом госпитале.

Лечусь. Полеживаю, как барыня, в мужской палате за занавеской из плащ-палатки. От скуки боевые уставы почитываю. "Максимку" изучаю. Но все равно тоска зеленая. Хочу домой - в полк.

И вдруг после обеда выздоравливающие раненые подняли неистовый хохот. Я отдернула плащ-палатку, по-свойски спросила:

- Эй, братцы-кролики, какая вас муха укусила?

- Слушай, пулеметчица, мы тебя на курсы записали!

- Это на какие еще курсы?

- На армейские краткосрочные. Младших лейтенантов. Командиров взводов.

- Ошалели! Да какой из меня командир? И кто же меня примет?

- А мы тебя лейтенанту Широкову, который записывал, сосватали как парня.

- Да что вы, ребята, в самом-то деле! А если он не поверит и сюда придет?

- Поверил. Вот и бумажку тебе прислал. Держи.

В тот же вечер меня буквально прихлопнуло горестное известие. Пока я тут отлеживалась, моя родная дивизия, обескровленная в боях, снялась с переднего края и выбыла в

глубокий тыл на передышку и пополнение. Мой боевой стрелковый полк! Вот теперь-то я была ранена по-настоящему - в самое сердце...

Я плотно задернула занавеску и забилась в свой закуток. Укрывшись с головой колючим солдатским одеялом, я замерла в смертельной тоске. Не знаю, сколько пролежала в полном отрешении: без мыслей, без слов. Очнулась от раскатистой команды за окнами избы-палаты: "Смир-р-р-но! Товарищ командующий..."

Сердце екнуло: быть беде!.. Прибежала санитарка Клава, что-то наспех стала прибирать. Предупредила:

- Тихо! Не курить. Командарм Поленов пожаловал. Сейчас в обход с начальством нашим пойдут...

"Ну, все, - подумала я, - отвоевалась!.. Теперь уже от тыла не отвертеться..."

- Смирно! - пискнула Клава, когда генерал-лейтенант Поленов рывком открыл дверь нашей палаты.

- Эх ты, курносая! - упрекнул Клаву густым басом. - Устава не знаешь? Это же раненые - понимать надо... - Он дружески поздоровался со всеми ранеными разом, поблагодарил за то, что честно воевали, пожелал быстрого выздоровления и спросил, есть ли жалобы.

И вдруг моя занавеска на проволоке - вжик! Я даже глаза закрыла. Эх, мать честная, надо было спрятаться куда-нибудь...

- Эта? - спросил командарм не знаю кого и начал меня тормошить: Спишь, Анка-пулеметчица? Ну, здравствуй. А я-то думал, и впрямь богатырша... Впрочем, не в этом дело. Мал золотник... Как самочувствие? Что ж молчишь? Испугалась? - Он рассмеялся. - Я, дочка, пока еще не кусаюсь. Ну, да ладно. Поправляйся. Потом подумаем о твоей дальнейшей судьбе.

Надо было, наверное, что-то сказать, поблагодарить высокое начальство, а у меня язык к гортани прилип. Нет уж, спасибочки. Знаю я генеральские заботы... Опять в тыл? Как бы не так.

В эту ночь мне было не до сна. Все думала-гадала, как повернется моя судьба. Черт бы побрал мои семнадцать лет!..

Забылась я только под утро. И опять одно и то же...

...Все грохочет и воет. Черный дым разъедает глаза. И нахрапом лезут пьяные "психи"... И руки намертво прикипают к рукояткам пулемета, немеют до самых плеч... И страшно так, как не было и наяву...

...Командир учебной пулеметной роты капитан Вунчиков вертит в руках бумажку о моем зачислении на курсы, глядит на меня с ехидным удивлением и говорит своему заместителю:

- Наш Широков отчубучил: девку парнем завербовал!

Я не удерживаюсь:

- Выбирайте выражения, товарищ капитан! Что значит "завербовал", и какая я вам девка?

- А кто ж ты? Парень, что ли? Если надела солдатские галифе, так, думаешь, и мужчина? Да и не в том дело, что женщина, хотя мы вашего брата и в принципе и по приказу не принимаем. А тебя и тем более! Погляди на свою комплекцию: двухпудовый пулеметный станок на тебя разве взвалишь?

- А тело пулемета разве нельзя? Или, скажем, щит...

Тут вмешался доселе молчавший замкомроты. Сказал, иронически усмехаясь:

- До свиданья, милое созданье, и привет тому юмористу, который тебя сюда прислал. А нам некогда - надо делом заниматься.

Вот тут-то меня и осенило: командарм Поленов!.. Нет уж, дорогие товарищи, что решено - то решено. И я, не моргнув глазом, соглашаюсь покорно:

- Хорошо, я передам юмористу - генералу Поленову. Это он меня сюда направил.

Мне не поверили. Командир роты ухмыляется:

- Так-таки сам командарм? Гм... Направил... без направления. Что ж он тебе в таком случае документ не выдал?

- Так ведь он же не писарь, товарищ капитан! При себе канцелярию не носит. Сказал - иди поучись. А я позвоню. Разве не звонил? Тогда сами позвоните. Или мне позвольте...

Смутились мои будущие начальники, стали шептаться. И позвонили, однако не командарму, а начальнику курсов. И конечно, доложили про генерала Поленова. Не знаю, что начальник ответил, только командир роты все еще с кислой миной, но уже без прежней категоричности говорит:

- Да ты и пулемета-то не знаешь...

Я возмутилась:

- То есть как это не знаю! Когда я и ранена за пулеметом. Знаю. Что хотите, спросите - отвечу. (А про себя: "Пронеси и помилуй, только бы не про "задержки".) А пулемет - что? Как в песне:

Эх, короб, кожух, рама!

Мотыль с шатуном.

Возвратная пружина,

Приемник с ползуном...

А еще катки - колеса да щит бронированный, весом в восемь кэгэ. Детали потом...

Но ротный, не желая принимать меня всерьез, хмуро отмахнулся. Не хотелось ему, ох как не хотелось иметь в роте

такого курсанта. Он даже шумно вздохнул. А его заместитель развел руками - дескать, сие, к сожалению, от нас не зависит - и так резюмировал наши затянувшиеся переговоры:

- Ни поблажек, ни скидок, ни особых условий не будет. В случае жалобы на тебя или от тебя вылетишь пробкой туда, откуда ты свалилась на наши головы. Ясно?

- Так точно! - гаркнула я, не помня себя от радости.

Я была зачислена в первый учебный взвод. В казарме (бараке после военнопленных) сорок курсантов спали впокатушку на нарах в один ярус. С общего согласия мне уступили крайнее место слева.

Это была моя третья принципиальная победа: на фронт попала - раз, от тыла отвертелась - два. И вот теперь. Везение? Да нет, пожалуй. Скорее упорство: если хочешь достигнуть намеченной цели - не отступай и не уступай даже в мелочах! На собственном опыте убедилась, что человек в шестнадцать лет не ребенок - личность. А с личностью всегда считаются. Ну, господа фашисты, повою-ем!.. Я вас, гады!..

В первую ночь курсантской жизни мне приснилась оставшаяся по ту сторону фронта моя единственная родня - бабушка. Она плакала, напевно по-псковски меня укоряя: "Ахти, лихо-тошно! Дитёнок, куда ж ты это лезешь? Да твое ли это дело?" - "Мое! - возразила я. - Так держать!" И проснулась.

...У старшины учебной пулеметной роты Кошеварова плечи - косая сажень, как у Буденного, грудь - колесом, голос трубный:

- Сорок с "недоразумением", выходи на занятия!

Затем энергичный стук в окно. За мутными стеклами - осенне-зимняя неуютность: холодрыга и мокротень; не видать ни зги. Очумелые от тяжелого сна, угоревшие от рано закрытой печной трубы, выбегаем на скользкое крыльцо. Сорок - мои товарищи курсанты; "недоразумение" - я, это по мнению товарища старшины. Он уверен, что никакого командира из меня не получится. Это просто блажь - пустая трата времени и казенных средств. Но... а вдруг все-таки? На всякий случай дрессировка каждый день.

- На пле-чо! К но-ге!

На рассветном небе желтолицая, как масляный блин, луна. Ей-то что! А тут... скулы сводит судорогой. Хоть носом в снег.

- Отставить зевоту! Довернуть приклад. Не заваливай штык - не баба! Раз уж тебе выпала мужская планида - мужчиной и будь. ...Длинным коли!

Колю проклятого "фашиста". Колю изо всех сил. Но штык безнадежно застревает в мокрой глине. Ребята смеются. Старшина с досадой машет рукой:

- А, что с тебя взять, когда винтовка больше тебя. Ладно хоть, что ты пулеметчик, а не стрелок. Авось дело до рукопашной не дойдет. Ну, а придется попасть в свалку - на то есть пистолет. Не горюй.

Время летело сполошно, так что некогда было осмыслить прошедший день. Только-только закроешь глаза после желанного отбоя - и уже: "Подъем!" Шинели, заменяющие нам одеяла, разом взмывают в потолок. И... пошло, понеслось, закрутилось: зарядка с пробежкой и "гусиным шагом" по целине; умывание до пояса колючим снежком; скудный завтрак по второй категории питания; потом: "Пулеметы взяли? С места с песней... марш!" - на целый день в поле. Тут тебе и тактика, и практика, и боевая, и строевая плюс фортификация. А все воинские уставы - назубок. Оказывается, не так уж мало должен знать строевой командир начального звена. Но как ни странно, для меня лично самой трудной наукой оказалась самая простая: наука подчинения, а по-уставному - су-бор-ди-на-ция.

Эту самую субординацию в родном полку я понимала по-своему: со всеми молодыми командирами - запанибрата; с пожилыми, независимо от звания, - на "вы" и по имени-отчеству. А тут - иначе. Вот хотя бы взять нашего Сережку Хрусталева. Кто он такой, собственно? Всего-навсего ефрейтор, а фасон держит - жуть! Только потому, что он в полковой школе успел освоить курс молодого бойца, его назначили нашим командиром отделения, и теперь он по самым мелочным пустякам придирается к своему же брату курсанту. По семь раз по команде "смирно" однокашников ставит перед своей персоной. У него даже есть любимое изречение, которое он позаимствовал у какого-то полководца: "Хочешь повелевать - научись подчиняться!". Вот и поступает соответственно. Однажды в течение дня я от него получила семь разносов. Да еще каких!.. А в довершение - после отбоя десять раз должна была собрать и разобрать пулеметный замок... с завязанными глазами. Заступился за меня проснувшийся Виктор Турилов - и тут же схлопотал наряд вне очереди. И ничего. Проглотил как миленький. А ведь он бывший полковой разведчик, с боевой медалью на груди!

Вот это и есть субординация на практике - часть командирской нелегкой учебы. Впрочем, у меня нет на Сергея Хрусталева настоящей обиды. Наоборот, я ему в душе благодарна за то, что сам исправляет мои промашки, не жалуясь по инстанции. А уж если по-честному, то пожаловаться было на что. В особенности вначале: мне явно недоставало тренировки, сноровки и смекалки. А если б отделенный пожаловался тому же старшине Кошеварову?.. "Первая же жалоба на тебя - и вылетишь

пробкой..." Нет, товарищ старшина, жалоб на меня, как видно, не будет: то, что надо, я умею мотать на ус!.. А от меня какие же могут быть жалобы? Я тут - свой брат, на равных. Правда, мои однокурсники поначалу на меня поглядывали искоса: "А это еще что тут за кавалерист-девица?!" А потом не до меня им стало. "Ориентир номер один: одинокая сосна, прямо, дистанция сто пятьдесят. По-плас-тун-ски! Пулеметы - тачкой вперед!" И любопытство как корова языком слизнула. И только один добряк - Витя Турилов - незаметно для других и Сережки продолжал мне оказывать неназойливое внимание по мелочам: то ершик для чистки винтовки одолжит, а то и сам мою "марусю" заодно до вороненого блеска выдраит; то, будучи разводящим в карауле, пораньше с поста сменит; то на марш-броске пулеметный щит за меня тащит... А уж я его за все и отблагодарила! Всей роте смех.

В ближайшее воскресенье, в выходной день наш старшина со своей обычной ироничностью на утреннем построении сказал:

- Чтоб вы, братья-славяне, не зажирели, назначаю лыжный кросс. Дистанция десять километров. На первый раз без боевой выкладки. Налегке.

Когда все побежали на склад за лыжами, старшина меня задержал и поинтересовался, знакома ли я с этим видом спорта.

- Да приходилось кататься, - скромно ответила я.

Старшина дернул себя за ус:

- Гм... "Кататься!"... - И тут же решил: - Пойдешь на пять.

- Почему это на пять, а не как все? - возмутилась я.

- Женская спортивная норма, кажется, половинная, - разъяснил он.

- При чем тут женская, товарищ старшина? Наша рота - мужская! - Я приперла начальство к стенке: - А кто говорил "ни поблажек, ни скидок"?

И старшина сдался:

- Ладно. Валяй. Вольному - воля. Но будет плохо - не жалуйся! - И приказал: - Хрусталев, подстрахуй эту храбрячку! В случае чего - снимай с трассы без разговоров.

Я не стала больше спорить и нарочно не выложила старшине секрет моей трехгодичной лыжной тренировки. Дело в том, что, начиная с пятого класса, в школу я ходила в районный центр - за восемь километров от бабушкиного дома. Восемь - туда, восемь - обратно. Каждый день! Хорошая закалочка. А зимой - на лыжах, только ветер в ушах свистит.

Моим подстраховщиком оказался не кто другой, как все тот же Витя Турилов. Он сам подобрал мне лыжи по росту, тщательно их промазал и подогнал крепления по ноге.

Декабрь сорок второго года выдался на редкость морозным и

снежным. Высокие сугробы, как остроконечные дюны, свирепый ветер наметал и разгонял вдоль и поперек фронтовых дорог. Наверное, поэтому лыжная трасса была проложена по самому дну узкого, как ущелье, и петлистого оврага. Здесь было тихо, но очень тесно: ни обогнать, ни обойти стороной. Можно было только "дать лыжню", если вплотную прижаться правым боком к заснеженной отвесной стене, а левую лыжню при этом держать на весу. И только где-то там, почти у самого финиша, мы могли вырваться на простор и, что называется, показать классность в меру способностей и выносливости.

Я шла в затылок Виктору, приноравливаясь к его неторопливому, широкому, размеренному шагу, с правильным чередованием дыхания. Но вскоре мне такая неспешность осточертела. Во-первых, нас то и дело обгоняли: "Дай лыжню!" - и было очень неприятно каждый раз прижиматься всем телом, в одной гимнастерке, к заснеженной стене; а во-вторых, меня начало покалывать самолюбие: ведь этак мы можем прийти к финишу в числе последних! И я начала подгонять своего опекуна. Что называется, буквально на пятки наступала - никакой реакции! Что ж, выходит, так и будем плыть, как в санатории на оздоровительной прогулке? Ну уж нет!

- Эй, наддай! Разведчик ты или размазня! - Виктор, как глухонемой, ни мур-мур! И даже головы не поворачивает. - Ах так!..

Лыжня пошла под откос. Я малость поотстала, разбежалась и со всех ног врезалась в своего ведущего. Удар был неожиданным: мой подстраховщик носом в снег, а лыжи его - крест-накрест. Чудом удержавшись на ногах, я перемахнула через распластанное тело, как через ничтожный бугорок, и давай отмахивать на пределе: "Дай лыжню!" К финишу пришла шестой. Виктор - почти последним: у него крепление по моей вине лопнуло. Сережка Хрусталев ехидно прищурился: "Это кто же из вас кого подстраховывал?" Разведчик отмолчался. Хороший он парень. А на вечерней поверке сам товарищ старшина сказал мне похвальное слово. В первый раз за все время.

С этого момента я стала замечать, что он ко мне все реже и реже придирается. И уже не командует под окнами нашего барака-казармы: "Сорок с "недоразумением" - выходи!" Иное кричит: "Сорок первый - неполный, на построение!" А это уже не обидно. По-уставному так полагается: раз мой порядковый номер нечетный - значит, "неполный".

И уже на строевом плацу не ехидничает строгий наш старшина. Бывало, чуть собьюсь с ноги - насмешничает во всеуслышание: "Вся рота идет не в ногу, только прапорщик - в

ногу!" Или кричит, опять-таки имея в виду меня: "Кто там завалил штык?!"

Нет уже, теперь я со счета не сбиваюсь и штык не заваливаю: крепко-накрепко удерживаю свою строптивую "марусю" за кованый приклад в положении "на плечо": острие штыка не шелохнется! И строевой шаг так печатаю, что в животе музыка играет: "бурум! бурум!".

Идет наша ротная колонна парадным строем, вздымая ноги по довоенному СУПу (строевой устав пехоты) почти до уровня пряжки поясного ремня. Зрители умиляются: "Ах как красиво!" И едва ли кто из них задумывается: а какой ценой достигается эта красота и слаженность? Я-то теперь знаю, что строевая подготовка состоит из трех элементов: тренировка, тренировка и еще раз тренировка! Как в балетной школе.

"На пле-чо!", "К но-ге!", "Кру-гом!". Всё по счету. А если на ходу? Через левое плечо, и при этом, не шелохнувшись, на одних носках, на цыпочках!.. Упустил счет - и уже после поворота не шагнешь с левой, как положено. Да, не просто. У меня на это дело тратился каждый выходной день. Без принуждения, по собственному почину я постигла истину: "Терпение и труд - все перетрут!" Вот так-то, дорогой товарищ старшина.

Мишени выпилили из толстой фанеры Сергей Хрусталев и Виктор Турилов, наиболее уязвимые места отметили красными крестами. Восемь "фашистов" надо поразить короткой очередью - десятью пулями, для чего в пулеметной ленте вытащен каждый одиннадцатый патрон. Стрельбы зачетные. Что-то вроде соревнования.

Стреляем через реку. Противоположный берег нависает над рекой крутым песчаным козырьком и служит отличным пулеуловителем, здесь даже и охранения не надо. Там, в заранее отрытом окопчике, укрылся наш курсант Саша Поденко - для проверки результатов стрельбы. Видимость плохая. Висит над белой волжской простыней какая-то промозглая мгла. Старшина Кошеваров, глядя на мишени в бинокль, подбадривает: "Вот они: стоят, как обдутенькие, и пули ждут!"

Когда мы с Виктором по команде выдвинулись на боевую позицию, как на грех черт принес командира роты. Капитан Вунчиков был в плохом настроении - мрачнее тучи. Мы с Виктором легли за пулемет, он - первым номером, я - вторым, ротный заворчал: "Ложатся с изяществом бегемотов". Это под руку-то! "Типун тебе на язык!" - от всего сердца мысленно пожелала я и совсем пала духом.

Виктор целился так долго, что Хрусталев не выдержал: "Время".

- Та-та-та! - Мне и без бинокля было видно, что все пули моего напарника ушли "за молоком".

- Позор, а не стрельба! - буркнул капитан Вунчиков. Острые скулы Виктора залила бурая краска. Встаем, меняемся местами. И опять реплика начальства: "Встают, как лошади!"

- Та-та-та! - Саша Поденко красноречиво сигналит: четыре из десяти возможных.

- И это не стрельба! - подытожил ротный и, чертыхнувшись, ушел. Зачетную оценку я все-таки получила. И только, наверное, потому, что многие отстрелялись еще хуже меня. А десятку в "фашистскую" компанию влепил только один Сережка Хрусталев и еще больше завоображал.

На вечернем построении начальство, расстроенное слабыми результатами показательной стрельбы, нас песочило столь долго, что ноги даже в валенках озябли. А мы и ухом не ведем. Мы же знаем, что нам стрелять придется и кинжальным, и косоприцельным, и фланкирующим. И не десятью патронами по неподвижным мишеням, а по вражеской цепи на ширину всей ленты, с рассеиванием на полный поворот пулеметного вертлюга. Что тут расстраиваться!

... - А ты хи-итрая птаха! - Старшина Кошеваров глядит на меня долго, испытующе, точно в первый раз видит. - Что ж молчала?

- О чем?

- Да ведь ты награждена Красной Звездой!

- Я?!

- Нет, дядя.

- А за что? Вы шутите, конечно.

- Да, мне больше и делать нечего, как только шутить.

На вечерней поверке с боевым орденом меня поздравил капитан Вунчиков. Сказал: "За бои подо Ржевом". Тут я поверила. Скорее удивилась, чем обрадовалась. Ну, стреляла из пулемета. А что мне оставалось? Бросить пулемет и ждать, когда зарежут "психи"? Убежать? Как бы не так. Но где же здесь подвиг? Интересно, а Диму Яковлева наградили? А сержанта Терехова? А командира минометной батареи Киселева? Ему на моих глазах перебило в локте левую руку, и она висела только на сухожилии. Капитан Киселев приказал мне: "Режь!" Я отказалась, и он сам перочинным ножом...

Я его перевязала, и он до тех пор управлял огнем, пока не упал от потери крови... Да таких героев и не перечесть. И все-таки интересно. Получу настоящий орден! Боевой! Я?!

В тот же вечер с запозданием узнаю подробности того последнего боя. Комсорг Дима Яковлев умер от раны в грудь.

Командир полка майор Голубенко убит. Комиссар Юртаев тяжело ранен.

Ночью, укрывшись шинелью, плачу. Тихо плачу, чтоб никто не услыхал.

... - Слушай приказ командующего армией генерал-лейтенанта Поленова! "Звание младшего лейтенанта присваивается курсанту..." - Моя фамилия прозвучала в мужском роде столь неожиданно, что я вздрогнула и растерялась. Да что он, капитан Вунчиков, смеется, что ли, на прощанье?

Праздничное настроение у меня испорчено. Зато мои однокурсники, получившие офицерские погоны, сияли именинниками.

Новая форма одежды и погоны были введены совсем недавно - в начале года. И к тому, и к другому фронтовики привыкли не сразу. Правда, кителя, брюки навыпуск и парадные мундиры мы пока видали только нарисованными в газете. Но гимнастерки нового образца нам выдали сразу, и были они, пожалуй, удобнее прежних, стоячий ворот прикрывал шею от холода - ведь шарфов пехотным командирам не полагалось. К такому вороту было способнее подшить подворотничок, отсутствие которого даже на переднем крае у нас считалось серьезным нарушением формы; внутренние нагрудные карманы, всегда набитые всякой всячиной, выглядели опрятнее прежних - накладных.

А вот с погонами на первых порах дело обстояло хуже. Их почему-то присылали одного размера: что на завидные плечи богатыря Саши Поденко, то и на меня. Но главное, эти погоны казались неудобными для траншеи, где и солдаты и командиры спят не раздеваясь. Не будешь же их каждый раз отстегивать!

Все это были хоть и досадные, но мелочи по сравнению с тем, как поначалу смущало нас слово "офицер" - не новое, правда, но непривычное, ненавистное. Так уж воспитали нас и в школе, и дома. Вся литература о гражданской войне дышала непримиримостью к офицерскому корпусу белой армии: раз золотопогонник - значит, враг, зверь, садист. В детстве меня очень удивляли слова популярной песни про Конную Буденного: "Ведь с нами Ворошилов - первый красный офицер". Мне было обидно за любимого героя и непонятно: за что обозвали офицером самого наркома?..

В приказе о новых знаках различия было сказано, что погоны подчеркивают правопреемственность лучших традиций русской армии. Как будто бы все ясно: мы - наследники славы русского оружия, воинской чести и доблести наших предков, дедов и отцов. Мы еще со школы любили Суворова и Кутузова, читали об Ушакове и Нахимове. Слыхали о прославленном генерале

Брусилове, который добровольно перешел на сторону Красной Армии и верой и правдой служил Советской власти.

Но ведь мои сверстники читали и помнили и "Поединок" Куприна, а там такие "отцы-офицеры"... На весь пехотный полк один порядочный, да и тот сумасшедший...

Воинские приказы обсуждению не подлежат. Но на сей раз разговоров было немало, высказывались и "за", и "против" погон. Мне не была свойственна привычка навязывать окружающим свое мнение, а потому в этих спорах я участия не принимала. Но если откровенно, душа моя не лежала к этим нововведениям. Мне нравилась прежняя форма пехотных командиров среднего звена - простая и скромная: в петлицах воротника - красные эмалевые квадратики - "кубари" - и незатейливая эмблема из двух скрещенных винтовок на белом круге мишени; на рукаве - золотой шеврон; через плечо портупея для поддержания оружия и снаряжения, а то и две; на поясе ремень с внушительной звездой желтого металла.

Мне почему-то думалось, что я так никогда и не привыкну ни к слову "офицер", ни к погонам. А привыкла очень быстро и совсем незаметно для себя, да так, что о прежних знаках различия и не вспоминала, а понятия "командир", "начальник" мне вдруг стали казаться неконкретными, неточными и даже неблагозвучными. "Товарищ офицер!" Это - да.

Но все это было потом. А пока терзала обида. Мои товарищи - только что испеченные командиры взводов - форсили погонами, начисто позабыв споры по этому поводу. Я же до выяснения досадного недоразумения - в приказе-то моя фамилия была в мужском роде! - не получила ни погон, ни удостоверения в красивом кожаном переплете. От обиды даже на выпускной вечер не пошла, а чтоб меня не нашли, забилась в крошечную каморку при кухне. Тут было кому и пожаловаться и поплакаться: повар дядя Леша не выдаст. Он протянул мне проткнутый лучинкой блин размером с решето, как маленькую погладил по голове.

- Покушай-ка, миленок. Обойдется.

Я ела, давилась не совсем пропеченным тестом и злыми слезами. Никудышное занятие - жалеть себя. Только начни: со всех сторон обступят действительные и мнимые обиды, дальше - больше, и все - озлобился человек, сошел с рельсов, пропал. Нет уж. Лучше самоутешаться по формуле: "Ведь могло быть и хуже!" Воистину так. Я могла быть сотни раз изувечена и убита. А я жива и здорова, как никогда: до войны то грипп, то ангина, то зуб, то ухо, а тут никакие простуды не берут - точно заговоренная. Я могла по крайней мере трижды попасть в плен, но... Нет, только не плен - это хуже смерти. И выходит, что как ни прикинь, а у

меня нет основания падать духом. Разберется же в конце концов начальство, женщина я или мужчина.

Наутро, едва дождавшись подъема, я побежала в штаб роты выяснять недоразумение. Капитан Вунчиков развел руками:

- А что я могу сделать? Ведь исправил-то твою фамилию на мужскую сам командарм. Понимаешь, соб-ствен-ной рукой! Чего ж так расстраиваешься, ведь вы с генералом Поленовым старые друзья. Разберетесь.

- Да не знаю я его, товарищ капитан! И... боюсь...

- Ах, вот оно что! - захохотал ротный. - Ну и бесенок. - А отсмеявшись, воскликнул: - Честное слово, люблю таких. Ну, вот что. Сама кашу заварила, сама и расхлебывай. По пути к месту назначения заверни в штаб армии, прорвись к командарму и во всем ему откровенно признайся. Ты парень-хват. Он таких любит. Найдете общий язык, тем более что ты теперь орденоносец. А куда вчера запропала? Хотели торжественно вручить. А теперь вот так просто. Держи.

Я крепко зажала в кулаке маленькую картонную коробочку. Капитан усмехнулся:

- Что ж молчишь? Устава не знаешь?

- Служу Советскому Союзу.

- Не очень-то бодро. Но ладно, для первого раза простим. Да, ты, как единственная девушка, назначена в самую прославленную дивизию - в третью гвардейскую, да еще и мотострелковую.

- Служу... Спасибо. Большое спасибо, товарищ капитан!

Это в первый раз за все время учебы мне оказали преимущество перед сокурсниками.

Я проколола на новой гимнастерке шесть дырок - и правее, и левее, и выше, и ниже, - но все равно мне казалось, что орден не на месте. Выручил старшина Кошеваров - проткнул седьмую дыру, и звездочка как приклеилась и матово заалела сразу всеми пятью лучами. Я вздохнула с явным облегчением и радостно засмеялась.

Не пошла я в штаб армии и не стала добиваться аудиенции у сурового генерала Поленова. Кто его знает: рассердится командарм и вовсе никакого звания не даст. Каюсь, смалодушничала.

Гвардейский комдив - генерал-майор Акимов - был совершенно седой, дородный и строгий. Одна пара очков вздыблена на белую шевелюру, вторая на крупный нос. Прочитав мое направление, он пристально на меня поглядел и спрашивает:

- Ну-с, где же этот молодчик-пулеметчик?

Я растерялась и этак смирненько отвечаю:

- Как же так, товарищ генерал-майор? Разве не видите? Это

же я и есть.

Генерал, нахмурясь, снова перечитал мою бумажку.

- Постой, постой, тут же черным по белому - мужская фамилия! А ты... а вы, насколько я понимаю, - жен-щи-на!..

- Да какая разница? Это же просто опечатка в приказе! Надо разобраться.

- Нет уж, - вспылил генерал Акимов. - Пусть сам черт с этой опечаткой разбирается. Экие канальи!.. Насмешки строят! Мне командиры нужны! У меня тут не детсад!

Так и не стала я гвардейцем прославленной дивизии. Поневоле пришлось явиться в штаб армии.

Здесь я познакомилась с полковником Вишняковым. Выслушав мой сбивчивый рассказ, полковник смеялся - раскатисто, заливчато, от всей души. А вытерев выступившие от смеха слезы, покачал головой.

- Ай-яй-яй! Что же теперь делать-то будем?

- Так дело-то мое выеденного яйца не стоит! Переделайте меня опять в женщину. Только и всего.

- Ишь ты, шустрячка! "Переделайте". Переделаем, когда доживешь до восемнадцати. А пока вот тебе новое направление. Иди и воюй, как мужчина, оставаясь женщиной.

Через два дня я снова стояла перед ним, едва сдерживая слезы. Не приняла меня и другая дивизия, в которую направили!.. Не приняли безо всяких объяснений. А в третьей хотели засадить в штаб, бумаги подшивать. Сама отказалась наотрез. Надо же быть принципиальной.

На сей раз полковник Вишняков уже не смеялся.

- Что мне делать с тобой, несчастный взводный? Куда же тебя пристроить?!

Я взмолилась:

- Да не посылайте меня в те дивизии, которыми генералы командуют! Не нахожу я с ними общего языка. Не понимаем мы друг друга.

И меня направили в Сибирскую дивизию, которой командовал полковник Моисеевский - человек еще молодой и без предрассудков. Приняли!

Сибирский комдив был совсем не похож на тех предыдущих, которые меня не приняли, - молодой, красивый, огромный, улыбчивый и даже в скромной полевой форме как-то по-особому нарядный. Он, полковник Моисеевский, увидев меня, даже бровью соболиной не повел и разговаривал со мной запросто, как с самым обыкновенным офицером, ничего не выпытывая. Ровно через десять минут в своих санях отправил меня на передний край - в полк.

С командиром полка знакомство тоже было деловым и очень коротким. В полутемной землянке я его даже хорошенько и разглядеть не успела. Подполковник Никифоров - вот пока и все. Зато комбат - капитан Батченко...

У меня затряслись поджилки, когда навстречу мне поднялся двухметровый буйноволосый человечище, кудрявый и черный, как цыган, с большими ярко-красными губами. Он зарокотал басом:

- Не имею особого удовольствия вас лицезреть. Для телячьих восторгов я несколько устарел. "Ах, юная девица командует взводом в бою!" - оставим для газетчиков. А требование мое предельно ясно: в обороне ли, в наступлении - огонь и никаких женских фокусов! Прошу запомнить: я не из жалостливых.

... - Братцы, пропали! Баба - командир!

- Да чтобы сибиряки да подчинялись бабе?!

- Была б там хоть баба стоящая, а то - тьфу, пигалица, от горшка два вершка.

- Штабники насмешки строят!..

- Цыц! Чего попусту глотки рвете? Надо по начальству. Пиши рапорты: не желаем, и все тут!

Буря в стакане воды! Взбеленились мои подчиненные. Ими верховодит дед Бахвалов, самый старый пулеметчик в дивизии. Таежник-медвежатник. И сам похож на матерого медведя. А бородища до пупа.

Ко мне в землянку заглянул командир стрелковой роты, которую огнем поддерживает мой взвод, - старший лейтенант Рогов. Человек уже не первой молодости, бывший учитель. Кажется, справедливый и славный. Его здесь любят, это сразу можно понять. Кивнув на дверь, прикрытую для тепла плащ-палаткой, он спросил:

- Слышишь?

- Слышу. Не глухая.

- Впрочем, их тоже надо понять. Твой предшественник был парень с головой. К тому же их земляк. Они ему верили. Любили. Да, трудно тебе будет после лейтенанта Богдановских. Впрочем, все зависит только от тебя.

- Я это знаю...

- Ладненько. Нет особой причины расстраиваться.

- Меня беспокоит дед Бахвалов. Он, по-моему, тут главный запевала.

- Факт.

- Он что, и в самом деле чапаевец?

- Вроде бы так. Лучший пулеметчик дивизии. О, дед себе цену знает! Он тут авторитет непререкаемый. Умен, хитер, но

побазарить, к сожалению, любит. А превыше всего ценит почет и славу. Вот ты на этом умненько и сыграй. Не наседай особо на первых порах, а как-нибудь подкарауль слабинку да и осади при всех, и увидишь, что будет.

- Спасибо, Евгений Петрович. Большое вам спасибо.

- Ладно, сочтемся.

Шли дни.

Привыкла я, да так, что уже и не мыслила себя где-нибудь на другом месте. Удивлялась, когда молодые командиры стрелковых взводов жаловались на скуку в обороне - мол, скорей бы в наступление. Какая скука? Мне лично времени просто не хватало...

Обход боевых позиций я каждый раз начинала с правого фланга, потом бежала в дзот к сержанту Лукину. Деда Бахвалова оставляла "на закуску".

В капонире сержанта Нафикова разговор каждый раз идет по шаблону. Он подает команду:

- Встать! Смирно!

- Вольно. Садитесь, ребята. Все в порядке?

- Так точно!

- Ели?

- Так точно!

- Почту получили?

- Так точно!

- Курево?

- Есть, товарищ командир.

- Боезапас? Пулемет?

- В порядке, товарищ младший лейтенант!

Пока мы с сержантом ведем разговор, солдаты не садятся, несмотря на мое разрешение, стоят ко мне спиной, и ни звука. Я, конечно, могу строго рявкнуть: "Как стоите перед своим командиром?!" Имею полное право в силу приказа заставить моих подчиненных повернуться ко мне лицом и, что называется, "есть очами" начальство, но только зачем? Такая мера вынужденного подчинения пользы не принесет и доверия не породит. А без доверия как воевать? Они должны мне верить!.. Но как этого добиться, пока не знаю. Остается себя утешать: стерпится - слюбится. Я привыкла, и они привыкнут. Хорошо, что пока в обороне. Однако где же искать секретный ключик от этого самого доверия? Как отомкнуть солдатское сердце? Да не одно - двадцать четыре. И все разные. Разговориться бы по душам. Но как? С чего начать? Но ведь вроде бы подчиняются и порядок заведенный поддерживают. И у Нафикова, и у Непочатова. Это я пока и называю "поладила с двумя расчетами". Эхма!

Я открываю короб пулемета, провожу бинтиком по раме, извлекаю наружу замок и, спустив с боевого взвода пружину, тщательно осматриваю. Снова опускаю замок в короб и заряжающей рукояткой пробую подвижную систему. По тому, как плавно скользит по пазам короба рама с пружинящей спусковой тягой, определяю, что пулемет исправен и готов к бою. Вычищен на совесть, каждая деталь в меру смазана веретенным маслом. Стрелять нельзя пулеметная точка секретная, в случае вражеской атаки она должна вести огонь по двум просекам-лучам до самого стыка стрелковых рот. На линии обороны любой стык - уязвимое место, и мой предшественник был действительно парень с головой, надежно подстраховал опасный разрыв в боевой цепи. Точно угадал: вражеские наблюдатели, разумеется, уже засекли стык как мертвую зону. Да тут и особой сообразительности не требуется: с наступлением темноты вся наша оборона ощетинивается активным ружейно-пулеметным огнем. И только на стыке - молчание. Конечно же, чужая разведка может сунуться именно сюда. Вот ее Нафиков и встретит. Однако мне надо точно знать, как стреляют нафиковцы, умеют ли они заменять друг друга, - в открытом бою это совершенно необходимо. И, поразмыслив малость, я приказываю Нафикову очистить в центральной траншее две открытые пулеметные площадки - убрать снег, утрамбовать бруствер, укрепить пулеметные земляные столы жердьевой обшивкой. От этого двойная польза: можно в любой вечер прицельно опробовать пулемет и фрицев в заблуждение ввести - пусть думают, что у нас огневых точек прибавилось. Нафиков выслушал меня не моргнув глазом и тут же отчеканил: "Есть! Будет сделано". Гм... уж хоть бы поспорил чуток. Вон дед Бахвалов по этому же поводу такую бодягу развел - в пот вогнал, пока с ним наконец договорились и вместе осмотрели заваленные снегом запасные площадки и наметили капитальный ремонт. Уже когда половину дела сделали, дед все еще ворчал, задним числом доказывая никчемность затеи с запасными площадками: "Отчего солдат гладок? Поел да на бок. Кукиш с загогулиной! Дадут солдату отоспаться - как же, держи карман шире..." И все прохаживался насчет "новой метлы" размахалась, дескать, накануне наступления... До того меня допек, что я не удержалась - ехидно поддела старого, да еще и при солдатах: "Василий Федотович, не иначе как сам командарм генерал-лейтенант Поленов вам по прямому проводу сообщил, что в наступление двинем завтра". Солдаты зафыркали от смеха, а дед Бахвалов сразу притих.

У сержанта Лукина глаза заплыли от неумеренного сна. Шея черная, как голенище. В дзоте, правда, тепло, хотя никакого

намека на жилой уют. И солдаты у Лукина какие-то сонные, равнодушные. В своего командира.

- Товарищ сержант, выйдемте!

- Что изволите, товарищ младший лейтенант?

Я отошла подальше от наружного часового и вместо ответа протянула Лукину круглое солдатское зеркальце. Он машинально разглядывает свое лицо и вздыхает.

- Ну что? - спрашиваю.

- А ничего. Медведь век не мылся...

- Что там медведь, какой у него век! Вот внук Чингисхана Батый, читала, всю жизнь не умывался, считая, что смывать с лица грязь - значит уничтожать богом данную красоту. Ему, что ли, подражаете?

- Так ведь у меня от умывания снегом кожа перхается, товарищ командир!

- Нежности телячьи. А от грязи чирьи насядут да угри. Вот что, сержант, мне на вас противно смотреть. Честное слово. А ведь и парень-то вроде бы ничего, если хорошенько отмыть...

И на этом я ухожу.

В дзоте у деда Бахвалова картина другая. Едва заметив меня, наружный часовой - молодой солдат-гуцул Попсуевич - рывком распахивает дверь и громким шепотом внутрь дзота:

- Шухер! Командиршу бес несет...

- Приветствовать командира положено! - делаю ему замечание мимоходом.

В дзоте накурено до умопомрачения, но чисто. По обеим боковым стенам двухъярусные нары с колючими постелями из елочных лап, аккуратно заправленными плащ-палатками. Дзот просторный - трехамбразурный. Две амбразуры - боковые - прикрыты изнутри плотными деревянными щитами, в третью - фронтальную - высунул тупое рыло пулемет. А на его ребристый кожух напялена самая настоящая белая кальсонина, и даже с завязками. Над амбразурой прибита плащ-палатка. Она складками падает до самого пола, укрывая пулемет и маскируя освещение. Правда, какое там освещение! В консервной банке плавает крошечный фитилек и коптит гораздо больше, чем светит. По запаху определяю, что в качестве горючего дед использует щелочь, которой мы чистим оружие. Впрочем, ее идет немного. И это все-таки лучше, чем жечь трофейный телефонный кабель. От такого "освещения" даже мухи дохнут.

Никакой команды "встать", никакого рапорта. Хмурые лица, глаза опущены долу. Поднимаю с земляного пола две замызганные игральные карты, протягиваю их деду Бахвалову:

- Возьмите, Василий Федотович, этак можно всю колоду

растерять.

Старый пулеметчик с досады крякает. Начинает оправдываться:

- Мы же не на деньги. В "козелка". На антерес. Кому от этого вред? Скучища - ужасти какая...

Я махнула рукой:

- Об этом как-нибудь потом. Начинайте занятия.

И присаживаюсь на нижние нары. Дед отменный учитель. Его "мазурики" пулемет знают назубок. Но то ли по привычке, то ли передо мной чудит старая борода напропалую. Прямо-таки беглый огонь ведет.

- Миронов, какая деталь в пулемете лишняя?

Медлительный Миронов долго и озабоченно хмурится, напрягая память, и невдомек бедняге, что лишняя "деталь" - это грязь.

- Абдурахманов, отыщи-ка ты мне, мазурик, мизеберную пружину!

И это опять провокация. Нет такой пружины в пулемете.

- Школьников, когда спусковая тяга на надульник наматывается?

- Сколько спиц в пулеметном катке? А отверстий в надульнике?

И так весь урок по материальной части пулемета. И я не делаю деду замечаний. Подначки приняты во всех родах войск. Меня на курсах тоже не раз "покупали" доморощенные юмористы. Ладно, пусть дед чудит: балагурство в солдатском быту просто необходимо.

Мы с командиром стрелковой роты Евгением Петровичем Роговым пробираемся в боевое охранение. Днем сюда не ходят: запрещено приказом комбата из-за опасения демаскировки и снайперского огня. Да и ночью-то желающих прогуляться сюда немного: разве что по крайней необходимости. Фашисты лупят из минометов и днем и ночью почем зря, иногда без передышки.

При каждом разрыве мы зарываемся носом в снег и, лишь просвистят осколки, вскакиваем, как по команде, и дальше. Считается, что боевое охранение находится в роще, - так во всяком случае значится по карте. На самом же деле никакой рощи нет: торчат запорошенные снегом, изувеченные снарядами елки-палки. Вот и все.

...В полумраке я не вижу лиц пулеметчиков из расчета Непочатова, но знаю, что все они здесь, в дзоте. Сидят на корточках, привалясь к земляной стене, - видимо, ждут, что я, командир, им скажу. А я ничего нового или значительного сказать не могу. Спрашиваю - отвечает за всех сержант Непочатов.

- Скучно вам здесь?

- Да нет вроде бы. - У молодого сибиряка тихий приятный голос. Он шутит: - Вот разве что Пырков наш скучает. Украсть ему, бедняге, тут нечего.

- Ну чего-чего-чего? - добродушно ворчит Пырков.

Обвыкнув в темноте, я вижу его толстые улыбающиеся губы и верхний ряд плотных белых зубов с золотыми коронками на резцах. Я знаю его историю от Евгения Петровича Рогова. Пырков - бывший вор-гастролер. Промышлял в поездах на всей сибирской магистрали. Удачливо. А как началась война, пришел с повинной и попросился на фронт. Поверили. Так и попал он в Сибирскую дивизию. Долго терпел, но по осени не выдержал: украл у зазевавшихся артиллеристов новенькое седло. Сам не зная зачем - так, по привычке. Быть бы парню в штрафном батальоне, да мудрый чекист капитан Величко пожалел, спас отличного пулеметчика от трибунала: ходил к артиллеристам договариваться, чтоб замяли дело. А Пырков был наказан по-семейному: товарищи разложили его на траве да и отшпандорили в три солдатских ремня. И не пикнул. И не обозлился. Красивый парень, видный. Ребята иногда добродушно подтрунивают над его прошлым: "Малина... Рио-де-Жанейро..." Не обижается.

- Газеты получаете? - спрашиваю у Непочатова.

- У стрелков одалживаем.

- Патронов достаточно?

- Этого добра у нас хоть ложкой ешь.

- Может быть, заменить вас?

- Не стоит, товарищ командир. Потому мы привыкли тут. А новым придется туго.

В наши внутренние дела начальство вмешалось помимо моей воли. Как-то днем, выспавшись после ночной вахты и подготовив пулеметы к следующей ночи, мои солдаты изнывали от безделья. Противник уже сутки нас почти не беспокоил. И даже "дежурные собаки" - минометы - не тявкали. Фрицы справляли свое рождество: перепились, спорили и бранились, пускали затейливые фейерверки, дудели в десятки губных гармошек, простуженными глотками орали "Лили Марлен", кричали в жестяной рупор: "Иван, комм хер тринкен шнапс!" Мои солдаты благодушно посмеивались и в ответ орали частушки собственного сочинения:

Сидит Гитлер на осине

Всю осину обглодал...

Пьяная вакханалия у немцев под утро малость затихла, а потом опять началось все сначала. Наша полковая батарея дала несколько залпов по курящимся дымкам вражеских блиндажей и,

исчерпав дневной лимит снарядов, замолчала. Несколько минут стояла тишина, а потом фрицы опять запиликали и запели. А мои солдаты слушали и посмеивались. Чтобы их отвлечь и занять, я решила всех свободных от патрульной службы собрать в просторном дзоте деда Бахвалова и провести с ними политинформацию о положении на фронтах и текущем моменте.

С этой целью, не ложась спать после раннего завтрака, я взялась за газеты, которыми меня по такому случаю охотно снабдил комсорг батальона. За этим занятием меня и застал наш комбат Батченко. Он пришел в сопровождении моего непосредственного начальника - командира пулеметной роты старшего лейтенанта Ухватова.

В присутствии сурового комбата я робела, как школьница, никак не могла забыть впечатления от нашей первой встречи.

С командиром пулеметной роты Ухватовым у меня, можно сказать, отношения не сложились. Когда я прибыла в полк, он долечивал в медсанбате старую рану. А потом встретил меня почти так же, как и мои солдаты. Даже присвистнул от изумления, а потом сам же себя и утешил: "Ну что ж? Баба-командир - обыкновенное дело, потому как равноправие". В тот же вечер он вызвал меня в свою землянку и за поздним ужином стал настойчиво потчевать водкой и называть уменьшительным именем. Мне это не понравилось. Я на фронте совсем отвыкла от своего имени: в родной дивизии меня звали просто Чижик, а теперь величали по воинскому званию или "товарищ командир", а то и "взводный". От угощения я категорически отказалась, а Ухватову сказала: "Оставьте, товарищ старший лейтенант, у меня есть звание и фамилия". Он вроде бы обиделся и перестал меня замечать. И как-то само собой сложилось, что я поступила под полную опеку и покровительство Евгения Петровича Рогова. Кстати, он не любил нашего Ухватова за излишнее пристрастие к "антигрустину", как он выражался. Ухватов и действительно не прочь был иногда вкусить несколько больше положенной нам "наркомовской" чарки. В подпитии он верещал, как деревенская молодуха:

Девки жали, не видали,

Где конфеточки лежали...

Он и в самом деле был похож на молодуху: маленький, сдобненький, с кругленькими и очень голубыми глазками. Веселый мужичок. В его подчинении находилось три пулеметных взвода, которые были приданы стрелковым ротам. Мои собратья по оружию - командиры соседних пульвзводов - Федор Рублев и Василий Андреев - парни бывалые, и Ухватову вполне можно было положиться на них. А мне он не мешал. И за то спасибо.

Стычки у нас происходили только из-за ротного старшины - сквалыги Максима Нефедова, по меткому солдатскому прозвищу - Макс-растратчик. Я как только его увидела, сразу решила: жулик! Разговаривает с тобой, а в глаза не смотрит. Жульничал он по мелочам, по крупному где тут развернешься. Не додаст триста граммов водки моему взводу: на меня - непьющую и на двух моих узбеков, которые тоже не пьют. Водка мне лично не нужна была, а вот когда он солдат "обижал" в чем-либо, я, разумеется, возмущалась. Но жаловаться Ухватову было бесполезно, потому что не он командовал старшиной, а скорее наоборот. Я решила: потерплю до поры до времени да и выдам Максу по завязку!..

И вот мой ротный командир, вопреки обычаю, навестил меня, да еще и вместе с комбатом. Я подумала: "Чего это они вдруг явились вдвоем? Неспроста. Что-то будет". И не ошиблась. Комбат, кивком головы ответив на мое приветствие, пророкотал басом:

- Как дела, взводный?

- Нормально, товарищ капитан!

- Нормально, говоришь? - Комбат вдруг бурно задышал и рывком открыл пухлую полевую сумку, едва не оборвав ременный язычок. Выхватил кучу бумажек и потряс ими перед моим носом: - А это что?

- Не могу знать...

- Не изображай Швейка! Отвечай по-человечески.

- Не знаю, товарищ капитан.

- Зато я знаю. Рапорты твоих подчиненных - вот это что. Бежать от тебя собираются.

- Неужели все? - промямлила я уныло. - И даже Непочатов?

- Все до единого, - вставил Ухватов с какой-то беспечной веселостью.

Комбат, бегло просмотрев бумажки, его осадил:

- Отставить! От Непочатова и его ребят рапортов нет.

- Так я ж не знал. Думал...

- А ты и никогда не знаешь, что тебе положено знать! - с сердцем упрекнул комбат Ухватова. Тот сконфузился:

- Товарищ капитан, при моей подчиненной...

- Переживешь, - буркнул комбат. - Она не солдат - офицер.

Ухватов вдруг ни с того ни с сего начал похохатывать в кулак. Комбат опять долбанул:

- Чего ты хихикаешь? Над собой ведь смеешься, бездельник этакий! Твоя прямая обязанность помочь молодому командиру, провести с солдатами соответствующую работу, а ты только бражничаешь.

- Товарищ капитан, - возмутился Ухватов, - при моей

подчиненной...

- Ничего, - отмахнулся комбат. - Переживешь. А с тобой у нас разговор еще впереди! Вот что, младший лейтенант. - Комбат повернулся ко мне с сердитым лицом. - Собери-ка всех свободных к деду Бахвалову. Я им покажу анархию - мать порядка! Да никак ты сама хочешь бежать? Опомнись, командирша! Солдата пошли.

Вскоре все были в сборе. Комбат сказал мне:

- Извини, не приглашаю. Разговор будет не для девичьих ушей. Одним словом, мужской.

Он пропустил Ухватова в дзот деда Бахвалова, вошел сам и плотно закрыл за собой дверь. Я осталась в траншее.

Долго было тихо - видимо, комбат нарочно приглушил свой завидный бас. И вдруг в дзоте поднялся неистовый хохот. Через несколько минут оттуда вышел усмехающийся комбат, за ним хмурый Ухватов. Оба удалились, не сказав мне ни слова.

Когда я вошла в дзот, там все еще хохотали и галдели на разные голоса. Дед Бахвалов рявкнул: "Встать, мазурики! Смирно!"

- Вольно, - сказала я, пряча усмешку.

Невыносимо пахло горелой бумагой. Не стоило труда догадаться, что "мятежные" рапорты пошли на "козьи ножки".

У деда Бахвалова случилась большая неприятность. Ни с того ни с сего отказал пулемет. Забастовал "максим", и точка. Дед, не ожидая моих вопросов, с досадой доложил:

- Бьет, анафема, одиночными, а до причины не докопаться. Хоть ты тресни.

- Надо срочно вызвать оружейного мастера, - решила я.

Дед, по своему обыкновению, начал хорохориться:

- А что оружейник? Нас шесть рыл, и все, слава богу, пулеметчики, не шалтай-болтай, и то ничего не можем сделать...

Ах, ты, сибирская борода! Меня, выходит, ни за пулеметчика, ни за "рыло" не принимает.

- Хорошо, - согласилась я, - проверим еще раз. Не получится - вызовем мастера. Разбирайте!

- До каких же разов его, подлеца, разбирать? - возмутился старик.

Помня совет Евгения Петровича, я предельно вежлива со строптивым чапаевцем, но в серьезном ему не уступаю. Вот и сейчас повысила голос:

- В чем дело, товарищ сержант?! Что за пререкание с командиром? - И тут же по-доброму: - Как вы думаете, Василий Федотович, что получится, если все подчиненные начнут с командирами спорить? Солдаты - с вами, вы со мной, я - с ротным, тот - с комбатом и... "пошла писать губерния"?..

Деду крыть нечем - рявкнул:

- Разбирай, мазурики!

Снова сделали полную разборку пулемета. Поочередно осмотрели и ощупали каждую деталь, заново перемотали сальники, сменили прокладки, по весам подтянули возвратную пружину, выверили зазоры. Выдраили все до вороненого блеска, смазали веретенкой. Собрали - опять бьет одиночными! В чем же дело?

Я послала солдата Миронова к ротному телефону вызвать из полковой мастерской оружейного мастера, против чего теперь приунывший дед Бахвалов не возражал. В ожидании оружейника мы понуро молчали. Пулеметчики так зверски курили, что сизый дым в помещении без окна и вентиляции ходил густыми слоями, перемещаясь от пола к потолку и обратно. У меня разболелась голова, и я вышла в траншею.

На обороне было тихо. Только где-то справа и слева тренировались наши и чужие снайперы. Медленно и плавно, как тополиный пух, кружились легкие снежинки. Узбек с рогатыми книзу усами старательно подметал траншею сосновым помелом и тоненько напевал:

Кызымочка, кель, кель,

Кызымочка - хоп!..

До наступления темноты оставалось не более двух часов. Я была озабочена и раздосадована. Снять пулемет с обороны - это же ЧП! А по всей видимости, придется снять: вряд ли мастер устранит дефект на месте. Надо было бы доложить командиру стрелковой роты, на обороне хозяин он. Неприятно, а что делать? Однако, против ожидания, Евгений Петрович Рогов не возмутился, наоборот, успокоил:

- Переживем и это. Снимай. На ночь из резерва "Дегтярева" поставлю.

Фу ты, как гора с плеч. И головной боли как не бывало. По дороге в дзот я себе сказала: "А все-таки ты везучая, чертовка! Сколько есть на фронте хороших людей - все встречаются на твоем пути". Попасть к такому командиру, как Рогов, - это ли не везение?

В дзот я не вошла, а ворвалась и сразу кинулась к пулемету.

Дед Бахвалов, сняв очки с веревочками вместо дужек, бросил на меня недоуменный взгляд: дескать, какая это тебя муха жиганула?

Выхватив из гнезда пулеметный приемник, я самым тщательным образом ощупала пятку подающего рычага. Так и есть - чуть-чуть, едва ощутимо она скрошилась. Не в этом ли загвоздка?.. Приказала деду:

- Пошлите срочно к Лукину взять на время приемник.

- Это для какого же лешего?

- Опять? Сама пошлю...

- Тьфу, - сплюнул дед на свои кургузые валенки, но за приемником послал.

..."Больной" "максимка" вдруг ожил и заговорил. Я вытерла вспотевший от волнения лоб рукавом ватной фуфайки и торжествующе взглянула на старого пулеметчика.

- Ну что, Василий Федотович?

Но с деда как с гуся вода. Развернул бороду, приосанился:

- Как в воду я глядел, мазурики!

Ох, в воду он глядел! Ну и дед. Посадишь такого в лужу, как же. Я падаю грудью на пулеметный короб и откровенно хохочу. "Мазурики" тоже пыжатся от неодолимого смеха, но смеяться в присутствии своего командира не смеют. Попробуй-ка посмейся над самим Бахваловым. А дед бубнит на низких нотах:

- Какие такие тут могут быть смехи? Волос длинен, да ум...

Я делаю вид, что не слышу. Пустяки.

Сразу же после обеда в нашей центральной траншее поднялась немыслимая суетня. Носились командиры стрелковых взводов, бестолково метались солдаты. И по всей линии ротной обороны, как колокола громкого боя, нестерпимо звонко звонили-брякали сигнальные гильзы. Что такое? Боевая тревога?..

Нет. В наш полк пожаловал сам командарм - мой старый знакомец генерал-лейтенант Поленов. И вот-вот нагрянет к нам на передний край...

Вместе с двумя заместителями в траншее появился комбат Батченко. Зыкнул, как в рупор на катере: "Эт-то что за сабантуй?! Смир-р-но! По местам!"

Встревоженные шумом, взбесились фашисты. Как голодный ишак, заревел шестиствольный "дурило"; заскрипел богом проклятый "скрипун" полуреактивный метательный снаряд на рельсах; долбанули тяжелые минометы. Траншею как вымело: попрятались братья-славяне кому куда ближе, притаились. Ходуном заходила земля. Нестерпимо запахло порохом и селитрой. Всю линию обороны заволокло удушливым сизым дымом.

Нет на свете ничего хуже собственной беспомощности. Солдат вполне может привыкнуть к бомбежке, к посвисту пуль, к методическому обстрелу по площади, но к шквальному, прицельному артналету - никогда! Перед этой слепой разрушительной силой беспомощен любой храбрец. Тут уж держись за родную землю да помалкивай.

Шквальный артогонь длился около получаса. Пушки и

минометы ревели теперь с обеих сторон (наверняка наши артиллеристы перерасходовали свой пресловутый лимит).

Обстрел застал меня в землянке Рогова. Тяжелые взрывы почти без пауз бухали над нашими головами и где-то у нас за спиной. Землянка вздрагивала, со щелястого потолка, как живой, струился песок. Лампа-гильза подмаргивала вспышками. После одного особо громоподобного взрыва Евгений Петрович меня насмешил: с сомнением поглядев на потолок в два наката бревен, сказал:

- Залезла бы ты, право, под нары на всякий случай...

Я, конечно, отказалась: хорош командир - под нарами!.. И высказала предположение:

- А что, Евгений Петрович, ведь нет худа без добра. Пожалуй, командарм не приедет: не пустят же его в такую катавасию.

- Удержишь ты его, как же, - буркнул ротный. - Да ему сам черт не брат.

Убедившись, что им не угрожает немедленный штурм, фашисты постепенно угомонились. Сначала умолкли тяжелые минометы, потом подавился "скрипун", умолк и "дурило". Наши тоже замолчали. И опять у нас на обороне тишь да гладь.

Рогов оказался прав. Едва мы с ним выбрались из укрытия, как перед нами возникла богатырская фигура комбата.

- Едет, - сказал он будничным голосом, но волнение выдавала бурая краска, выступившая пятнами на широких скулах.

И я разволновалась не на шутку. У меня не было никакого желания столкнуться с генералом Поленовым носом к носу, и я, преодолев робость, обратилась к комбату Батченко:

- А может, мне спрятаться от командарма, товарищ капитан? А?

- Это зачем же? - строго возразил тот.

- А так. На всякий случай. Вы же знаете, что по документам я числюсь мужчиной. А тут вдруг... Да и вообще...

Комбат не успел ответить: вот оно - начальство, целый взвод! От больших звезд на погонах в глазах рябит: командир полка, комдив, начальники обоих штабов и еще какие-то ранги и звания. Я проворно нырнула в заброшенную стрелковую ячейку, оплетенную хворостом, и затаилась.

Командарм Поленов, приземистый, широкий под мохнатой буркой, строгоглазый, хмурый, больше часа неспешно прогуливался по нашей обороне, а потом надолго застрял возле дзота деда Бахвалова. Мое убежище оказалось совсем рядом, и через щели в хворосте мне видно было буквально все и слышно каждое слово. Генерал беседовал с командирами стрелковых взводов и с солдатами, а на свою многочисленную свиту,

казалось, и внимания не обращал. Он вникал буквально во все. Его интересовало состояние оружия и система огня, взаимодействие и средства связи, распорядок дня и снабжение. Нескольких солдат командарм заставил разуться и раздеться до пояса, чтобы самолично убедиться в состоянии белья и портянок. И все чего-то хмурился, хмурился, хмурился. Совсем я сникла. Но придраться оказалось не к чему: наш комбат - хозяин отменный: умеет спросить и потребовать. Да и Евгений Петрович Рогов ушами не хлопает. Генерал Поленов явно повеселел. Уж очень ему понравились мои бахваловцы: здоровые, сытые, смешливые. Деда Бахвалова он даже за бороду потрогал:

- Экий ты, батя, веник отрастил. Траншею ты ею, что ли, подметаешь?

А у нашего деда глаза с хитрющим прищуром: молодые и яркие, как у лешего. Бравый чапаевец не растерялся: грудь колесом, корявые лапы по швам.

- А это уж как придется, товарищ командующий!

- Приварка, братцы, вам хватает?

- Хватает, товарищ командарм! Еще и остается... - Пулеметчики ответили хором и так браво, что комбат насупился и погрозил им пальцем.

- Молодцы! - похвалил командарм и тоже пошутил: - А остатки-то куда деваете?

- Доедаем, товарищ командарм!

Командарм засмеялся и обратил внимание на красивого и видного нашего Пыркова. Тот пришел ко мне по делу от Непочатова, да и застрял до темноты на перекуре в дзоте Бахвалова. Генерал легонько ткнул его перстом в грудь:

- О чем думаешь, богатырь сибирский?

Солдат не растерялся:

- Как бы стать генералом, товарищ командарм!

- Гм, - усмехнулось высокое начальство, - старая байка. А зачем тебе это?

- А чтоб все, как вас, боялись, товарищ генерал-лейтенант!

Командующий так и покатился со смеху. И вся свита осторожненько этак: "Ха-ха-ха". А командарм и говорит комдиву Моисеевскому:

- Да они у тебя, полковник, юмористы. Ну что ж, братцы, я надеюсь, что вы и воюете так же успешно, как острите?

- Так точно!

- Да... сибиряки - народ стоящий, - задумчиво протянул командарм. - Я на вас, братцы, надеюсь. Во как! Ну, а где же ваш взводный?

У меня сердце: бух-бух! А дед Бахвалов опять навытяжку:

- Туточки они. При деле, стало быть. Прикажете покликать?

- Да нет. Раз при деле - не надо. Сам вижу, чего стоит. Как он парень-хват?

- Моща, товарищ командующий!..

- По блату от самого господа бога нам достался!

- Суворов!

"Ну погодите-ка, остряки-самоучки, я вам про-пою!.." Вроде бы и не громко я хихикнула, не сдержавшись, но высокий гость услыхал. С непостижимым для его возраста проворством он подскочил к моей ячейке и, ухватив за наплечные ремни, извлек меня наружу... Оглядев быстроглазо с головы до ног и почему-то не обратив внимания на мои полевые офицерские погоны, умилился:

- Гляди-ка, какой малышок! - и ласково потрепал меня по плечу. - И воюет! Воюет этакая птаха. Вот уж воистину и стар и млад. Батюшки! И автомат, и пистолет! Ну и ну. "Два нагана по карманам, сбоку - маузер!.." Сколько раненых вынесла?

- Ни одного, товарищ командующий.

- Гм. Хвалю. За честность. А тут в соседней дивизии одна такая же пигалица, не моргнув глазом, ответила: "Сто!" А перевязывать-то, надеюсь, умеешь?

- Приходилось...

Тут выступил вперед наш комдив и почтительно доложил:

- Она - командир пулеметного взвода, товарищ командарм. Это, - кивнул в сторону деда Бахвалова, - ее ребята.

Улыбку с лица командарма как ветром сдуло:

- То есть как это - командир?! - Черные генеральские брови изумленно взметнулись к вискам: - Шутите, полковник?

- Не шучу, товарищ командующий.

- Нет, позвольте. Да какой же из нее командир взвода? Кто позволил? Да кто ей офицерское звание присвоил?

- Вы сами.

- Я?! - От возмущения командарм хлопнул себя ладонями по бедрам, да так, что полы бурки разлетелись черными крыльями.

"Ну все. Откомандовалась", - равнодушно, как о ком-то другом, подумала я. Чему быть - того не миновать. По крайней мере хоть душу отведу - на всех генералов разом обиду выплесну. И я ринулась в атаку:

- Ага! То "здравствуй, Анка-пулеметчица!", а то - "кто позволил да кто присвоил?!" Справедливо, ничего не скажешь. Превратили в мужчину да еще и издеваетесь... "Два нагана..."

- Кто? Когда? Кого? - Ох как рассердился генерал Поленов. Черные глаза что твои сверла. - Что ты, дерзкая, несешь с моря и с Дона?

Я молча махнула рукой и отвернулась. А генерал, сразу остыв, меня к себе за плечи поворачивает, в лицо норовит заглянуть и уже вроде бы по-доброму:

- Что ж надулась, как мышь на крупу? Давай разберемся.

Но я молча глотала слезы. От нестерпимой обиды не могла слова вымолвить, от нестерпимого стыда не смела взглянуть ни на начальство, ни на своих солдат. Эх, генералы!.. Так и доконают...

Первым нашелся дед Бахвалов:

- Товарищ командующий, дозвольте мне, старику, слово вымолвить? - И не дожидаясь разрешения: - Сумление ваше напрасно. Вот вам истинный Христос! (Ах ты, милая борода, и в самом деле перекрестился.) Она стоящий командир. И если что, то другого нам не надобно. Да мы за нашего взводного и двух мужиков не возьмем! Так я говорю, мазурики?

Ну, а дедовы мазурики - куда иголка, туда и нитка.

Долго разговаривал в моей землянке генерал Поленов с глазу на глаз со мной. Моя боевая биография интересовала его во всех подробностях: переспрашивал, дивился, похохатывал. Обо всем выспросил - и про раннее мое сиротство, и про первую любимую дивизию, и про бабушку, оставшуюся по ту сторону фронта, и про то, как в тыл меня хотел спровадить, и про бой подо Ржевом, и про ранение за пулеметом. А прощаясь, подарил мне облегченный пистолет-пулемет Судаева, только что запущенный в производство, - предмет черной зависти всех пехотных офицеров. Он его снял с шеи своего щеголеватого адъютанта. А когда уехал, меня обступили офицеры всей роты и давай клянчить: "Махнем не глядя!" Я возмутилась: "Да вы что, братья-славяне, озверели? Кто ж "махается" личным оружием, да еще подаренным?!"

Вскоре после этого из армейского штаба пришла бумага, в которой командарм меня снова в женщину превратил. Но, признаться, легче мне от этого не стало.

В ноябре сорок второго года Красная Армия захватила стратегическую инициативу на всех фронтах и продолжала ее удерживать. К концу декабря войсками Донского, Степного и Воронежского фронтов была закончена операция по окружению сталинградской группировки фашистских войск. Напрасно немецкое главнокомандование пыталось деблокировать кольцо извне: тиски окружения сжимались. Пятидесятидвухлетний опытный лис генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс понимал всю безнадежность дальнейшего сопротивления, но тем не менее категорически отверг весьма гуманные условия предварительного ультиматума: то ли из-за фашистского фанатизма, то ли из боязни жестокого возмездия со стороны своего "божественного

фюрера" решил держаться до последнего. Таким образом, двадцать две отборные фашистские дивизии были обречены на уничтожение. В Сталинграде в немецких окопах начался жестокий голод, сыпняк, дизентерия и моральное разложение среди солдат, не верящих в чудо избавления. Вот какое письмо жене пытался переслать обер-ефрейтор Гайнен: "... Сегодня я зарезал четвертую по счету собаку. И как раз кстати; нам, наконец-то, выдали водку. Но и собак тут больше нет. Чего у нас с избытком - так это бомб и вшей..."

Не только я и мои однополчане - весь советский народ был уверен, что ликвидация группировки Паулюса - дело ближайших дней. Мы знали, что под Сталинградом сосредоточена масса нашей артиллерии: сто пятьдесят орудий на километр фронта! Это значит - на каждые сто метров приходится почти семь орудий или минометов: мышь не проскочит.

Мы с жадностью набрасывались на газеты, читали и перечитывали сводки Информбюро, дивились и завидовали героическим сталинградцам. Пытались себе представить весь размах Сталинградской битвы, и ничего из этого не получалось - мы еще такого не знали: наши бои местного значения, в которых каждому из нас до курсов приходилось участвовать, ни в какое сравнение не шли с таким стратегическим масштабом. Настроение в нашем полку было приподнятым, праздничным - хоть пляши. Молодежь рвалась в бой. Моих ребят тоже охватила наступательная лихорадка. Меня донимал то один, то другой: "Скоро ли? Когда?" И больше других досаждал младший сержант Лукин. По этому поводу дед Бахвалов ехидничал: "Ты гляди-ка: куда конь с копытом, туда и рак с клешней. Нос отмыл и проснулся!" И по-своему увещевал самых нетерпеливых: "Цыц, мазурики! Ишь они - без войны развоевались! Что ее, проклятой, на вашу долю не хватит, что ли?" Мы давно уже с ним поладили и зажили душа в душу. Однако, как всегда не вникнув в суть дела, мой непосредственный начальник - командир пулеметной роты Ухватов чуть свинью мне не подложил. Почти накануне наступления он решил перевести моего деда во взвод Федора Рублева! Я уперлась категорически. Ухватов настаивал якобы из-за нашей с дедом свары. Я спросила с обидой старого пулеметчика: "Василий Федотович, вы хотите от меня уйти?" Дед Бахвалов ответил вопросом на вопрос в своей обычной грубоватой манере: "А что, хрен редьки слаще? Это с какого ж лешего я буду бегать туды-сюды? Нет уж, где поставлен - там и воюй". Мне ничего не оставалось, как пожаловаться на Ухватова, и я позвонила комбату. А тот: "Надоели мне ваши турниры! Ох, доберусь я до вас - мигом помирю!" Справедливо! Ничего не

скажешь... Однако дед остался у меня. И вероятно, опять Ухватову перепало. Но и мне комбат кое-что выдал. И пожалуй, справедливо. Капитан Радченко, как я заметила, когда сердится, становится гениально-ядовитым. Вот и на сей раз:

- Что ж ты своим сержантам портянки не постираешь или подворотнички не подошьешь?

Я и глаза вытаращила:

- Как так?

- А вот так. Совсем парней задавила. Пикнуть не смеют. Пустяка самостоятельно не решат! Что ты их опекаешь, как младенцев? Скажи на милость, зачем ты каждый день в боевое охранение шастаешь? Что там пулемет неисправный? Или на Непочатова жалобы есть?

- Да нет, - промямлила я. - Думала, так лучше...

- Она думала! Нет уж, проверяй, но не подменяй! Пойми, в бою ты не сможешь быть со всеми пулеметами разом: сержантам придется действовать самостоятельно. Вот и готовь к этому, а не нянчи!

- Спасибо большое, товарищ капитан, - сдалась я. - Учту.

И в тот же день по телефону отчитала Нафикова, когда тот спросил, можно ли временно не ставить на пост Абрамкина по случаю флюса.

- Шамиль, хозяин вы там у себя или нет? - упрекнула я молодого сержанта. - Такого пустяка самостоятельно не можете решить! - И повесила трубку.

Пришел и наш черед. В наступление перешли сразу четыре фронта: Северо-Западный, Западный, Калининский и наш - Центральный. Предстояло разгромить Ржевско-Вяземский плацдарм, который все еще представлял собою реальную угрозу нашей столице на дальних подступах. Из данных агентурной и армейской разведки было известно, что, несмотря на критическое положение под Сталинградом, Гитлер с этого плацдарма не перебросил на юг ни одной боеспособной дивизии: следовательно, не оставил мечту предпринять еще одно наступление в лоб на Москву.

Острие наступления нашей Сибирской дивизии было нацелено прямо на город Вязьму и далее на Дорогобуж, с выходом на прямую дорогу к Смоленску.

Признаться, я очень волновалась за свой первый бой в роли взводного командира, хотя и знала, что хорошо передохнувшие за время обороны солдаты будут драться как никогда. Тревожило меня и другое. Я так сжилась со своими ребятами, так к ним привыкла, что даже мысли не допускала кого-то из них потерять. А ведь потери неизбежны. На войне как на войне: кто-то должен

погибнуть. Но только кто-то, некто неконкретный, и уж во всяком случае не дед Бахвалов, не сержант Вася Непочатов, не Шамиль Нафиков, не веселый парнишка Сашка Гурулев и, конечно, не я!.. Вот так весь взвод по пальцам перебери - хоронить заранее некого, вернее, немыслимо. В последние дни я даже аппетита лишилась, похудела - так подмывала тревога. Евгений Петрович Рогов успокаивал: "С чего так нервничаешь? Все же хорошо. Ребята твои обстрелянные - дело знают и не трусы. Пулеметы исправные. Выше голову!" Я была согласна. И все равно тяжело мне порою вздыхалось. Ох как тяжело...

Артподготовка началась с рассветом. Сорок пять минут без передышки через наши головы на вражеские позиции летели сотни снарядов. Они пели песню смерти каждый на свой лад: шуршали, свистели, катились в воздухе с сухим шорохом, смачно чавкали, истошно завывали. Накал огня возрастал. Постепенно рев пушек, леденящие душу взрывы, стеклянный звон горячих осколков - все слилось в сплошной грохочущий вой и визг.

Мы стояли в траншее наготове, в полном боевом снаряжении и напряженно ждали сигнала в атаку. Ко мне подошла ротная санитарка Варя, единственная, кроме меня, женщина на переднем крае. Что-то сказала мне в самое ухо. Я не расслышала. Варя улыбнулась и поцеловала меня в щеку холодными с мороза губами.

Артподготовка кончилась, но с НП комбата так пока и не взлетела красная ракета. А мы напряженно ждали, и не часы - наши сердца отсчитывали секунды. Вот уже вражеские батареи стали приходить в себя, а сигнала все еще не было. Евгений Петрович Рогов, не спуская, как завороженный, глаз с НП, близоруко щурился. Когда ожидание достигло высшей точки напряжения и, казалось, уже не было сил ждать, артподготовка вдруг возобновилась. И снова наши пушки с четверть часа молотили по переднему краю немцев, а потом перенесли огонь вглубь - на батареи.

Красная ракета - толчок в сердце - вперед! "За Родину!" Разноголосое "ура" - и мы уже на нейтральной полосе.

Молчавшие доселе вражеские окопы ощетинились пулеметно-автоматным огнем. По наступающей цепи ударил ротный миномет.

"Живучи, как крысы", - подумала я и прислушалась к работе своих пулеметов. На флангах роты Лукин и Нафиков вели огонь безостановочно. Непочатов был при мне, в резерве и пока молчал. С дедом Бахваловым случилось ЧП: не успел сделать ни одного выстрела. Как только рота Рогова выскочила из траншеи и двинулась вперед, стрелки забыли про уговор и начисто закрыли

Бахвалову сектор обстрела. Старый пулеметчик взревел на все поле боя: "Мазурики! Анчутки беспамятные! Куда прете под пулемет?!" Я бросилась к его позиции.

На половине пути до вражеских окопов стрелки залегли и стали наскоро окапываться: черные лопатки на белом снегу проворно мелькали. Я приказала деду:

- Выдвигайтесь в цепь! И не отставайте.

Дед опять рявкнул:

- Вперед, мазурики! За матушку Расею!

Едва мы достигли залегшей стрелковой цепи, она поднялась в атаку. Еще один почти неуловимый момент, и в немецких окопах закипела свалка: гвалт, автоматные очереди, взрывы гранат.

Было хорошо видно даже без бинокля, как немцы группами и в одиночку отходили к ближайшей деревне, маскируясь в заросшей кустарником лощине. Я тронула деда Бахвалова за плечо и пальцем показала направление стрельбы. Он моментально укрыл пулемет за развороченными толстыми бревнами вражеского дзота и открыл по отступающим прицельный огонь. Я спрыгнула в траншею и побежала на левый фланг: там вдруг замолчал пулемет Лукина. Траншея была полуразрушена нашей артиллерией, приходилось карабкаться через груды развороченной земли. Попадались убитые немцы, какое-то тряпье, куски исковерканного железа, брошенное оружие. Из-за крутого колена траншеи вдруг выскочил фашист, с белыми ошалелыми глазами, и, размахивая автоматом, как дубинкой, двинулся прямо на меня.

- Хальт! - Я срезала его автоматной очередью почти в упор и едва не убила солдата стрелковой роты Ивана Некрещенных - это от него убегал фриц, у которого кончились патроны.

- Так их! В гробину!.. - крикнул Иван и, вытерев лицо грязным рукавом маскхалата, исчез с глаз.

Лукин, оказывается, менял позицию. Когда я добралась до его расчета, "максимка" уже снова закатывался на полную ленту.

Вскоре все было кончено. Рота Рогова заняла деревню Новолисино. На короткой передышке я пересчитала по пальцам свое микровойско и несказанно обрадовалась: "Все живы!" Крикнула:

- Молодцы! Так держать!

За всех звонко ответил Сашка Школьников:

- А что мы - чикаться сюда из Сибири приехали?

Его одернул дед Бахвалов:

- Не хвались, мазурик, в бой идучи! Примета есть.

...Они сидят на пулеметных коробках, курят, переговариваются вполголоса, подшучивают друг над другом -

остывают после схватки. А я гляжу на них и не могу наглядеться. Двадцать четыре.

В широких маскировочных халатах поверх дубленых полушубков, в касках, надвинутых по самые брови, в кургузых валенках, обвешанные оружием и снаряжением, со стороны они кажутся нескладными, неуклюжими. Но для меня мои ребята - красавцы!

Разве не красив Пырков? Рослый, широкоплечий, прямоносый. Глазищи серые, а ресницы - спичку положи - не скатится. И смешливый Школьников симпатяга. Мордашка лукавая, как у хорошенькой девчонки. А вот и еще один - Миронов. Лицо у него широкое, густо-нагусто засыпанное мелкими веснушками, а глаза умные и улыбка застенчивая, хорошая.

И пожилой красноярец Андрианов - ворчун - мужик что надо, хотя меня пока еще сторонится. Ничего, Иван Иваныч, подберу и к тебе ключик, дай время... И сержанты мои как на подбор: Непочатов, Лукин, Нафиков. В отличие от солдат халаты их подпоясаны, а барашковые воротники полушубков выпростаны наружу. Для чего же, как не для форса? А если снайпер возьмет на мушку? Вот ты их и не опекай по мелочам! А четвертый сержант - дед Бахвалов - вылитый Морозище с автоматом на шее: хоть сейчас на школьную елку - было бы у ребятишек визготни.

"Смерть страшна тому, кто о ней думает. А ты не думай. Не поминай ее, косую! Не испытывай судьбу. Подумал - пропал: безносая тут как тут и голову косой с плеч..." Вот так наставляет своих подчиненных добровольный агитатор Василий Федотович - сибирская борода.

- Кончай перекур. Встать! Ура, ребята! Даешь Вязьму!..

Мы Прилепы, Никольское взяли,
За Карманово храбро дрались.
Вражьи танки на воздух взлетали,
Вражьи "юнкерсы" падали вниз!
Вперед, Сибирская, несокрушимая,
Грудью вставшая за свой народ!..

Такая была у нас любимая песня. Кто сочинил слова - неизвестно. А пели мы ее на мотив "Гвардейского марша".

Взяли Вязьму и дальше пошли без передышки. Немало деревень и сел освободили за зимнюю кампанию, а в конце марта опять встали в оборону почти под самым Дорогобужем, на реке Осьме.

Весной нас почему-то с запозданием переобмундировали в летнюю форму. И вдруг оказалось, что для меня прислали все женское: и верхнее и исподнее. Юбчонка, к примеру, не шагнуть;

гимнастерка - обдергушка. Как в таком воевать или на учебном поле по-пластунски ползать? Когда я, донельзя расстроенная, рассматривала на свет тонкие чулки, не зная, что с ними делать, дед Бахвалов мне посочувствовал:

- Что ж они, мазурики, не понимают, что человеку не на танцульки бегать, а по траншее шастать!

Но заменить ненужные мне вещи на мужское оказалось не так-то просто. Отпросившись у самого комбата, я лично ходила на полковой пункт вещевого довольствия. Там только руками развели: "Богу богово, а женщине женское". Возмутилась ужасно: "Какая я, к чертовой бабушке, женщина, если воюю за мужчину!" Но и это не помогло. Так и парилась весь июнь в зимнем мужском обмундировании: в суконных галифе и шерстяной гимнастерке. Хорошо, что из женской рубашки вышла отличная пара портянок, а то хоть на голые ступни сапоги напяливай. Неизвестно, сколько бы мне еще томиться, если бы вдруг комдив Моисеевский не возмутился моим неавантажным внешним видом: на коленях и на локтях дырки, на галифе сзади заплата бурого цвета. Комдиву я все и объяснила. Буквально через день получила все с иголочки, мужское, разумеется. И даже с доставкой на дом. Так до самой Победы и не снимала штаны-галифе.

И вообще оказалось, что лучше бы на время войны мне так и числиться мужчиной.

В летнем наступлении я опять была ранена, уже под Смоленском, на знаменитой Соловьевской переправе. Там же погибли дед Бахвалов, славные сержанты Нафиков и Вася Непочатов. Многие мои ребята были ранены. Но Смоленск был взят!

Я снова и опять не по своей вине утратила свою часть. Моя Сибирская дивизия, получившая после штурма Смоленска почетное наименование Смоленской, пока я лечилась в полевом госпитале, пополненная, в спешном порядке была переброшена на Южный фронт. Это было большое горе в моем юном командирском возрасте: все, буквально все, опять начинай с начала. Казалось бы, не все равно где воевать? Нет, не все равно, и даже очень не все равно. Недаром раненые после выздоровления в свои части рвутся: в свою полковую семью, под родные знамена, к родному солдатскому костру. А мне в этом не повезло. Так и попала после выписки из госпиталя в новый боевой коллектив, в третью по счету дивизию. И уже на должность командира пулеметной роты.

А генералы? Что генералы? Так и портили мне настроение до конца войны. Моя новая дивизия входила в новую армию, которой командовал уже не мой добрый знакомый генерал

Поленов, а другой командарм, меня, разумеется, не знавший. Вот взяли мы, к примеру, Оршу, немалой кровью, большой ценой. И всех командиров линейных рот, в том числе и меня, представили к почетному офицерскому ордену Александра Невского. Все и получили: и живые и посмертно, а как дошло дело до меня, - стоп машина. Новый командарм усомнился, кто я - женщина или мужчина, и наложил на наградном листе резолюцию: "Уточнить!". А пока уточняли, я была ранена в третий раз. Так и не получила. И вообще ехиднейшие резолюции учиняли товарищи генералы на моих наградных и аттестационных бумагах: "Доктор списки перепутал!..", "Кто это: он, она или оно?". И еще похлеще. Раза четыре меня представляли к очередному воинскому званию капитана, и все безуспешно. Конечно, мы воевали не за ордена и не за звания, но все равно иной раз брала обида. Вот потому я и не забыла, как генералы обижали меня на войне, и через много лет написала эту маленькую автобиографическую повесть.